

НЬЮ-КРОБЮЗОН

ВОКЗАЛ
ПОТЕРЯННЫХ СНОВ

.....

ШРАМ

.....

ЖЕЛЕЗНЫЙ СОВЕТ

CHINA MIÉVILLE

PERDIDO
STREET STATION

ЧАЙНА МЬЕВИЛЬ

Вокзал
потерянных снов

fanzon

Москва

2021

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
М11

China Mieville
PERDIDO STREET STATION

Copyright © 2000 by China Mieville

Разработка дизайна серии В. Половцева, А. Саукова

Иллюстрации на переплете и форзацах В. Половцева

Мьевиль, Чайна.

М11 Вокзал потерянных снов / Чайна Мьевиль ; [пер. с англ. О. Акимовой, Г. Корчагина]. — Москва : Эксмо, 2021. — 864 с.

ISBN 978-5-04-105391-8

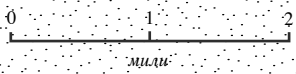
В гигантском мегаполисе Нью-Кробиозон, будто бы вышедшем из-под пера Кафки и Диккенса при посредничестве Босха и Нила Стивенсона, бок о бок существуют люди и жукоголовые хепри, русалки и водяные, рукотворные мутанты-переделанные и люди-кактусы. Каждый занят своим делом: хепри ваяют статуи из цветной слюны, наркодельцы продают сонную дурь, милиция преследует диссидентов. А к ученому Айзеку Дан дер Гримнебулину является лишенный крыльев гаруда — человек-птица из далеких пустынь — и просит снова научить его летать. Тем временем жукоголовая возлюбленная Айзека, Лин, получает не менее сложное задание: изваять портрет могущественного главаря мафии. Айзек и Лин еще не знают, какой опасностью чреваты эти заказы — для них самих, всего города и даже структуры мироздания...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Г. Корчагин, О. Акимова, перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-105391-8

Эмме

река Вар

река Ржавчина

ВОРОНЫ ВОРОТА

Хадонский мост

ДРАЙСИД

мост Однера

ВАРСКАЯ ПОЙМА

ПОЙМА РЖАВЧИНЫ

ЗВОНАРЬ

ОБОД

Северный Ворон

Низкопадающая грязь

РУЧЕЙНАЯ СТОРОНА

Ручейная трощоба

ОБОРОТНАЯ ЛИНИЯ

КУРГАН СЯГОГО ДЖАББЕРА

Каторжный переход

ВОРОН

Конец Звоняря

Громогласный мост

Вокзал на Затерянной

Внешний Ворон

ГАЛЛМАРЧ

БЕЗДЕЛЬНЫЙ БРОД

Вокзал на Затерянной

КАМИНЬ ВЕРТЕЛ

Большая петля

Слюнный базар

ШЕК

СЕРПОЛЕТ

МАНДРАГОРОВ МОСТ

мост Набова

Оранжевая

МЕРТВАЦКИЙ БРОД

Халмистый мост

РЕЧНАЯ ШКУРА

СТОЧНАЯ ЛИНИЯ

Мертвяцкий присест

САЛАКУССКИЕ ПОЛЯ

САЛАКУССКИЕ ПОЛЯ

Холм

ШУМНЫЕ ХОЛМЫ

ПЕЙ-И-ПОЙ

СОБЕК-КРУС

(Разрушенная станция)

КОРАБЕЛЬНАЯ ПУСТОШЬ

БАРАЧНОЕ СЕЛО

БАРАЧНОЕ СЕЛО

СТРОЕВОЙ ЛЕС

НЬЮ-КРОБЮЗОН

С любовью и благодарностью к моей матери Клаудии и сестре Джемайме за помощь и поддержку. Огромное спасибо всем, кто снабжал меня критикой и советами, особенно Скотту Бичено, Максу Шеферу, Саймону Кавано и Оливеру Читэму.

С глубокой любовью и благодарностью к Эмме Берчам, ныне и всегда.

Спасибо всем сотрудникам издательства «Макмиллан», в особенности моему редактору Питеру Лейври за его невероятную поддержку. И бесконечная благодарность Мик Читэм, которая помогла мне больше, чем я способен выразить словами.

За недостатком места я, к сожалению, не могу выразить здесь благодарность всем писателям, оказавшим на меня свое влияние, но хочу упомянуть двоих, чье творчество является постоянным источником вдохновения и восхищения. Я выражаю свою скромную и искреннюю благодарность М. Джону Гаррисону и всегда буду хранить светлую память о Мервине Пике. Без них эта книга никогда не была бы написана.

*Я даже приостановился на мгновение у окна,
глядя на огни и глубокие освещенные улицы.
В этом гибельном контакте с городом есть что-
то от умирания.*

Филип К. Дик.
«Кукла по имени Жизнь»

Через пустынный вельд, и кустарники, и поля, и фермы, и уже виднеющиеся нагромождения домов, словно поднимающихся из-под земли... Здесь давно царит ночь. Убогие лачуги, теснящиеся вдоль речных берегов, как грибы, растут в окружившей меня тьме.

Нас качает. Нас швыряет в глубокий поток.

Человек за моей спиной с трудом удерживает руль, и движение лодки выправляется. Раскачивающийся фонарь отбрасывает пляшущий свет. Этот человек боится меня. Стоя на носу утлого суденьшика, я наклонюсь над подвижной темной водой.

Над маслянистым рокотом мотора и нежным, уютным лепетом реки возвышаются здания. Ветер шелестит меж бревен и ласково ворошит солому крыши; стены вздымаются все выше, заполняя пространство этажами; десятки домов сменяются сотнями, тысячами; они расползаются во все стороны от берега, заслоня собой свет над равниной.

Они обступают меня. Они растут. Становятся все выше, все массивней, все шумней... Шиферные крыши, стены из толстого кирпича.

Река виляет и изгибается навстречу городу, который внезапно возникает передо мной, тяжело врезаясь в пейзаж. Свет его огней растекается по каменистым холмам окрестностей, как кровоподтек от удара. Его отвратительные башни горят во тьме. Он давит. Я вынужден слепо преклониться перед этим гигант-

ским наростом, образовавшимся в излучине двух рек. Огромная клоака, смрад, гул. Даже сейчас, глубокой ночью, толстые каминные трубы изрыгают копоть в небеса. Нас влечет не речной поток — это город своим притяжением засасывает внутрь. Откуда-то доносятся то слабые человеческие крики, то голоса зверей, то из фабрик слышится отвратительный скрежет и стук огромных работающих механизмов. Рельсы, словно сетка вздувшихся вен, покрыли тело города. Мрачные стены из красного кирпича, приземистые церкви, похожие на доисторические пещеры, трепещущие на ветру рваные навесы, каменные лабиринты Старого города, глухие переулки, сточные канавы, избородившие землю, как вековые гробницы, новые пейзажи пустырей и руин, книжные магазины, заполненные позабытыми книгами, старые больницы, дома-башни, корабли и железные клешни, поднимающие грузы в доках.

Как мы могли не заметить его приближения? Какие причуды рельефа помогают этому распостертому чудовищу прятаться за выступами, чтобы неожиданно выскочить перед путешественником?

Но бежать уже поздно.

Человек нашептывает мне названия мест, которые мы минуем. Я даже не оборачиваюсь.

Этот скотский муравейник вокруг нас называется Вороньими воротами. Гнилые домишки, устало прижавшиеся друг к другу. От кирпичных набережных, которые, словно городские стены, вырастают из глубин реки, чтобы вода не вышла из своего ложа, поднимается липкое зловоние. Здесь повсюду стоит ужасная вонь.

(Интересно, как все это выглядит сверху — стоит приблизиться к городу с подветренной стороны, и тут уж ему никуда не спрятаться, его будет видно с расстояния нескольких миль, как грязное пятно, как

кусок падали, кишащий червями; я не должен об этом сейчас думать, но ничего не могу с собой поделать: я мог бы оседлать восходящие потоки воздуха, что идут из печных труб, взлететь выше надменно вздернутых башен и нагадить с высоты на земную юдоль, а потом опуститься в этот хаос, где пожелаю, — но я не должен сейчас думать об этом, я не должен сейчас этого делать, надо остановиться: не теперь, не так, еще не время.)

Вот показались дома, истекают бледной слизью, органической смазкой, густо обволакивающей подножия фасадов, сочащейся из верхних окон. Надстройки обмазаны гадкой белесой жижой, заполняющей просветы между домами и тушиковыми переулками. Вид домов обезображен волнистыми наплывами, как будто крыши были залиты воском и он внезапно застыл. Какая-то иная форма сознания перекроила эти некогда человеческие улицы на свой лад.

Над рекой и свесами крыши — туго натянутые провода, намертво скрепленные сгустками белесой слизи. Они гудят, как басовые струны. Что-то падает нам на головы. Шкипер с отворачиванием харкает в воду.

Его плевок вскоре исчезает. Дождь капающей слизи над нашими головами утихает. Из темноты выплывают узкие улицы.

Впереди нас по рельсам, перекинутым высоко над рекой, со свистом проносится поезд. Я смотрю на него, в сторону юго-востока, и вереница огоньков уносится прочь, исчезая в ночной мгле — этом чудовище, пожирающем своих жителей.

Скоро мы будем проплывать мимо фабрик. Из мрака вздымаются подъемные краны, похожие на тощих цапель; кое-где они двигаются, подгоняя бригады изможденных полуночных рабочих. Под тяжестью собственного веса раскачиваются цепи, похожие на омертвелые

конечности, и с лязгом безучастно уползают к крутящимся зубчатым колесам и маховикам.

Огромные хищные тени кружат в небе.

Город гудит и полнится эхом, словно пустое чрево. Черная барка с трудом пробирается в толпе себе подобных, груженных коксом, лесом, чугуном, сталью и стеклом. Звезды отражаются в здеишной воде, пробиваясь сквозь радужную пленку вонючих нечистот — фекалий и химических отходов, придающих воде позорительно-застойный вид.

(О, как бы мне хотелось подняться над всем, чтобы не чувствовать этого зловония, не видеть этой грязи, этих испражнений, чтобы не въезжать в город через эту клоаку, но я должен держаться, я должен; я не в силах двигаться дальше, но я должен.)

Мотор сбавляет обороты. Я оборачиваюсь и смотрю на стоящего за моей спиной человека, а он налегает на руль, делая вид, будто смотрит сквозь меня. Он везет нас в док, расположенный позади складов, доверху набитых товаром, так что их содержимое переваливается наружу через стены, рассыпаясь среди беспорядочного нагромождения гигантских коробок. Барка лавирует между другими судами. Из воды поднимаются крыши домов. Здания жмутся к другому берегу, стоя в воде, которая лизет их смоленые кирпичные бока.

Под нами возникает какое-то волнение. Река бурлит, со дна поднимаются водовороты. Мертвые рыбы и лягушки, уставшие бороться за глоток воздуха в этой гниющей каше из отбросов, захваченные суматошным потоком, проносятся между плоским бортом барки и обнаженным берегом. Просвет между лодкой и берегом закрывается. Мой капитан спрыгивает на берег и пришивартовывает барку. Облегчение прямо-таки написано на его лице. С победным видом и угрюмым ворчанием он торопливо помогает мне сойти на берег,

и я медленно, словно шагая по горячим углям, иду прочь, аккуратно пробираясь через грязь и битые стекла.

Шкипер доволен теми камушками, которыми я с ним расплатился. Это Дымная излучина, говорит он, и я заставляю себя отводить глаза, чтобы он не заметил моей растерянности, не понял, что я новичок в этом городе, что меня пугают мрачные, страшные здания, от которых никуда не скрыться; что меня мутит от боязни закрытых пространств и дурных предчувствий.

Чуть к югу над рекой поднимаются два огромных столба. Это ворота некогда величественного, а ныне запаришившего и обветшавшего Старого города. Время и кислота стерли письма, когда-то начертанные на этих обелисках, остались лишь неясные завитки, похожие на истертую винтовую резьбу. Позади ворот — невысокий мостик («Каторжный переход», — поясняет шкипер). Не воспользовавшись внезапной словоохотливостью спутника, я удаляюсь, шагая через эту выбеленную известковую равнину, мимо зияющих дверных проемов, сулящих уютный мрак и какое-никакое укрытие от речного зловония. Голос шкипера звучит уже где-то совсем далеко, и я с тоской думаю о том, что больше никогда его не увижу.

Становится теплее. На востоке уже маячат городские огни.

Я пойду вдоль рельсов. Буду пробираться в их тени там, где железная дорога проходит над домами и башнями, убогими лачугами, роскошными конторами и городскими тюрьмами; я буду следовать вдоль них на высоте арочных сводов, не дающих им оторваться с земли. Я должен найти дорогу в город.

Мой плащ (громоздкий наряд, непривычно и болезненно облегающий тело) тяготит меня; кроме того,